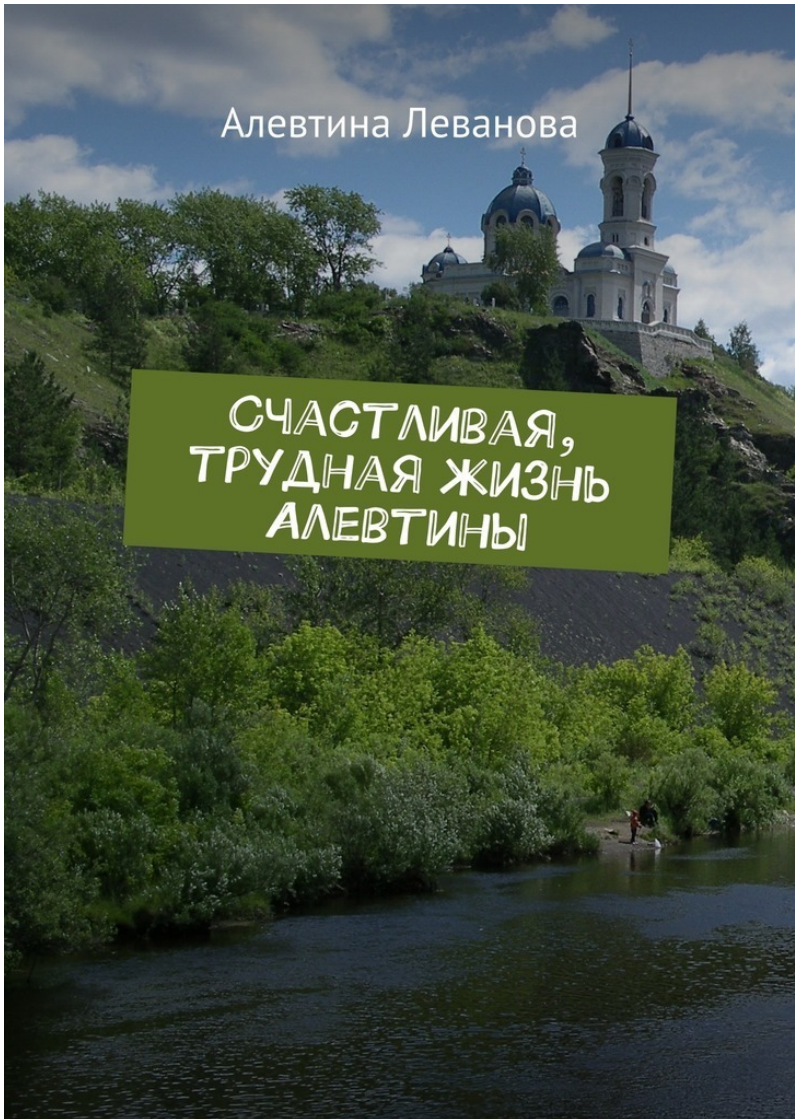

Алевтина Леванова

СЧАСТЛИВАЯ,
ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ
АЛЕВТИНЫ

Алевтина Леванова Счастливая, трудная жизнь Алевтины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759118

ISBN 9785448367144

Аннотация

Книга «Счастливая, трудная жизнь Алевтины» – о жизни целительницы Алевтины. О жизни людей в социалистической стране. Книга для того, чтобы прочесть и понять, что нужно верить в Бога. О целительстве и борьбе со злом.

Содержание

Вступление	5
На Урале	6
В Средней Азии	44
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Счастливая, трудная
жизнь Алевтины
Алевтина Леванова**

© Алевтина Леванова, 2017

ISBN 978-5-4483-6714-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

За стиль, прошу, меня вы извините. Я его совсем не выбирала. Мне безразлично, каким я стилем напишу, какие будут окончания. Но лишь бы я успела записать, что за жизнь свою пережила, и было б всем понятно. Как Бога я любила. Как помогал он мне лечить людей, какие чудеса происходили. Любовь – это сила Господня. Написала о вере, о добре и зле людском. О том, что вытерпела мать-Земля Родная. Описала тяжёлую судьбу бабушки и матери моих. О правителях, как правили они. О приятелях и знакомых. О силе Божией и лечении. О борьбе со злом. О погоде, как меняла я её. О победе над разными злыми силами. О Святом Духе и Ангеле-Хранителе.

На Урале

Я родилась на Урале,
В городе Свердловске.
Отца была с рождения лишена.
У матери цыганка мужа забрала.

Меня к родителям отправили.
И так росла я без отца.
У деда с бабушкой в деревне.
Мать бабушки жила у них.

Она была святой – людей лечила.
Прошло три года, мать приехала в деревню.
За тракториста вышла замуж.
В сороковом году родила сына.

А в сорок первом беда пришла – война.
Я помню проводы солдат.
Гармонь играла, все плясали, пели и ревели.
До леса провожали их.

И там в телегу усадили и увезли.
Мать с мальчиком к нам жить пришли.
Горе всех объединило.
Молились все, я на коленочках

С прабабушкой стояла.

Люди с горем шли своим.

Просили Бога умолить,

Чтоб спас он родственников их.

А мне ватрушку приносили.

Помню я, как с орловщины людей

везли от немца.

В каждый дом их расселяли.

Люди приветливо встретили,

Своей картошкой поделились.

Умерла прабабушка моя,

Что молилась за людей и за меня.

Она учила доброте и

делать добрые дела.

Наказала матери моей,

Чтоб книги и иконы передали мне.

Сказала, что лечить осталась Аля.

Мать значения этому не придала.

Как только святая умерла,

Изранили мужа матери моей.

Ангела-Хранителя не стало у него.

Голову, ноги, руки перебили.

В Москве помощь оказали,

В Казахстан, в город Чимкент

Лечить отправили.
Домой вернулся, он блудил.
Через полгода в трудармию отправили.

На кожевенный завод в Камышлов его
определили.

Решили выехать с семьёй.
Квартиру дали рядом с полигоном.
Там солдат готовили к войне.
Любила я смотреть на них и слушать пение.

В ноябре отца освободили
По колхозному запросу.
Пошла в школу в том году я.
Пришлось с подругами расстаться.

Умер дедушка любимый.
В январе водяную мельницу восстановил.
Лишилась я заступника своего.

5 мая кончилась война.
Люди радовались, ликовали,
Плакали и пели.
То состояние людей не описать.
В деревне остались вдовы, старики да дети.

В сорок шестом году второй родился сын.
Отец стал обслуживать деревню.
Домой пьяным приходил.

Маму избивал, вдовы потешались.
А мы слезами умывались.

Мама заболела. Признали рак груди.
Операцию назначили в Свердловске.
Стала я тогда молиться Богу и просить,
Чтоб спас он маму.
Чудеса произошли.
В день операции муж и два брата приехали.
Пришёл профессор с практикантом.
И объявил, что больную будет оперировать.
Злокачественная опухоль груди.
Взявшись за грудь, он удивился
И громко крикнул:
«Серебряникова, где же опухоль?»
Грудь была пуста, как мешочек.
Мама ответила им, что у неё грудной ребёнок.

Лето жаркое было тогда.
Ни единого дождя, засохло всё.
Во всей России голод был.
Траву, что находили, всю поели.

А в сорок седьмом году выросли ягоды в лесу,
Днём я собирала их.
В ночь за молоковозом уходила в Реж.
Утром продавала и хлеб покупала.
Очереди были по четыреста,
А то и больше человек.

Одну булку в руки продавали.

Осенью в школу я в пятый класс пошла.
В Реж за пятнадцать километров от дома.
На квартирах бесплатно не держали.
Сменила пять квартир и бросила учиться.

В сорок восьмом году за девять километров
В Пиповку определили.
Учились там из Фирсовой деревни дети.
У них был хлеб, они делились с нами.
На квартире нас держали,
Платы не просили.

В сорок девятом году в Останино нас определили
За семь километров учиться.
Стало лучше.
Выросла картошка.
Лишь на субботу не хватало.

Холод и голод —
Всё в жизни испытала.
Но были дети той поры весёлые, задорные,
Сплочённые и преданные другу.
Никогда не обижали и не выдавали
Друг друга.

Росла я в маленьком селении,
Среди ключей расположенном.

Пили ключевую воду.
Она силу, выносливость
Людям давала.
Вокруг селения были поля,
Леса, луга.
Люди любили природу.
Ягоды, травы разные знали.
Воздух чистым был.

В пятнадцать лет уехала в Свердловск.
Такой город увидела там:
Трамваи, машины,
Шум оглушительный.
Толпы людей,
Все куда-то спешат.
Воздух тяжёлый,
Дышать совсем нечем.
Деревья, бедняжки,
Засохли совсем.

Небо затянуто
Тучами дыма.
Солнца не видно совсем.
Я Богу тогда помолилась.
Такого города я не хочу.
Нужно, чтоб город
Был бы побольше деревни,
В зелени, цветах утопал.
Чтоб солнце светило и грело.

И птицы были бы и пели.
Через двенадцать лет просьба
Моя исполнилась.

В няни, в домработницы к тёте своей.
Училась в седьмом классе в ШРМ
(школа рабочей молодёжи).

После школы в резиновых сапожках
По часу стояла у дверей.
Муж был у ней в командировке.
Начальник с секретаршей занимался.
Когда налюбуются друг с другом,
После этого меня впускали.

Простыла, заболела, кашель.
Тётя издеваться стала надо мной.
Кричит, мол, заразишь детей моих.

Соседка это услышала и забрала меня к себе.
Отвела к приятелям своим.
В одной комнате четыре человека жили.
Меня приняли пятой.
И вылечили, как смогли, спасибо им.

Окончила семь классов, в техникум поступила.
Поехала к родителям своим.
В помощи отказ я получила.
Отец родной в то время не платил.

Он отбывал за хулиганку.

Вернулась снова я в Свердловск.

Искать работу стала,

Чтоб с голода не умереть.

Меня подруга тёти пригласила.

Дала дрожжей, продать велела.

Я продала, с ней рассчиталась,

и мне на хлеб осталось.

Пошла искать работу. Не берут нигде.

Годов сказали мало.

Позавидовала я тогда детдомам и тюрьмам.

Обратилась в комсомол,

Где взносы членские платила.

«Этим мы не занимаемся», —

Ответ такой я получила.

Пошла я к тётё Шуре на квартиру,

Своё горе рассказала ей,

Полы помыла у неё,

Она мне рубль уплатила.

Пошла я снова в поисках работы.

Увидев бабушку, что милостыню просит,

Отдала рубль. Мне он не устраивал.

А ей он в пользу будет.

Мысли меня тут осенили:

«Пойду я в церковь, к Богу своему
И к матери Марии. Они помогут,
Они всегда мне помогали».

И в этот раз помощь пришла.
По возвращении встретила подруга на пути:
«Тебя ищу. Идём со мной работать,
Набор идёт в швейную мастерскую».

В домоуправление за справкой обратилась.
Паспорт взяли мой, штамп поставили
С выпиской за восемь месяцев прошедших,
Когда тётя Таня выехала из Свердловска.

Злой рок меня подстерегал.
Дёмин был в паспортном столе начальник.
Сам дьявол. Издевался над народом.
Он орал, допрашивал меня:

«Где восемь месяцев ты проживала?»
Грозился посадить меня.
Тюрьмы-то я и не боялась.
Однажды на вокзале я спала.
Мечтала, чтоб милиция забрала.

Послал Господь Бог Дёмину болезни.
За то, что он над божьими людьми издевался.
Пятнадцать дней я пробыла в мучениях.
Пришёл тут добрый человек на помощь,

Прописал меня и успокоил.

На работу вышла.

В семью родную я попала.

Лаской, добротой окружена была.

Плохих людей там не видала.

Лишь главный инженер ненавидела меня.

Никто понять не мог, за что.

Все обращались ко мне с вопросами —

Сон разгадать или помочь излечиться.

В цех привезли зигзаг-машину.

Решили кого-то отправить учиться.

В обед из цеха все ушли.

Я села за машинку, взяла лоскут

И стала шить.

Как будто в жизни я умела.

Вернулись с обеда все.

Увидел бригадир и главный инженер меня.

Сказали: «Зачем молчала, что умеешь шить?»

Я думала, как можно им сказать,

Что за машинкой я и не бывала.

Стала зарабатывать по полторы тысячи.

Отец вернулся, алименты стал платить.

Пришла ко мне жизнь хорошая.

В деньгах нужды с тех пор не знала.

Семнадцать лет исполнилось мне.
Все соседи собрались,
Пришли подруги.
Мальчика с баяном пригласили.
Танцевали, пели, веселились.

Пятого марта в 1953 году горе в страну пришло.
Значит, и ко мне.
Товарищ Сталин умер или отравили.
Простые люди плакали.

Они жили, как с отцом родным.
Победою гордились.
Две недели народ плакал.
Видимо, большого человека потеряли?
Заступника, защитника своего.
Что одел и накормил страну.
Тётю Шуру я спросила:
«Почему о Товарище Сталине так плачут?»
Она сказала: «Ой, Алина, Алина,
ты совсем ещё ребёнок и многого не понимаешь».
«Так расскажите!» Она же «грамотной» была
И стала объяснять мне

О всех заслугах товарища Сталина.
Страну он принял разрушенной.
Безграмотный народ.
Без электричества.

Освещались керосином да лучиной.
Богатые бедных угнетали.
Голод был и мор.
Рождала женщина двадцать семь детей,
Выживало трое.

Много было бездомных, брошенных детей.
Обитали кто где, по вокзалам.
В лесах разбойники грабили, убивали.

«Понимаешь, Алина, – сказала тётя Шура, —
Народ свободу с кровью завоевал.
Товарищ Сталин веру нашу оправдал.
Он нас не продал и не подарил никому.

И строй не изменил наш.
При нём люди жили и спали спокойно.
А может случиться так, что утром
Встанешь – другой руководитель,
А мы рабами стали».

Задумалась над тем, что слышала от людей.
В войну разрушенные, разграбленные города —
Пол Советского Союза.
Страну нужно было восстанавливать.

Вспомнила я тогда, как слышала
разговор матери с сыном.
Сын спрашивает мать свою: «Скажи мне,

Сталин был хороший человек или плохой?»
«Сыночек, почему спросил об этом?»

«Да знаешь, мама, – ответил сын, —
Сегодня во дворе спорили мальчики.
Двое говорят, что был плохой,
А остальные говорят, что был хороший».
Мать посмотрела на него и поняла,
Что вот тот суд над мёртвым человеком.

Судят дети, взрослые его.
Судят много, много поколений.
И подумала тогда:
«Что скажу я сыну своему?
Поймёт ли это он?
С чего начать и как объяснить ему».

Решила рассказать всё по порядку.
Тогда-то, может он, поймёт.
И мать сказала: «Слушай.
Я расскажу тебе об этом человеке.

Когда я маленькой была, то шла война.
Напали на нашу Родину фашисты.
Поднялись все, от мала до велика
На защиту Родины своей.

Война та страшная была.
Так зверски воевали, издевались

Фашисты над нашим народом.
Разрушили фабрики, заводы,
Сожгли жильё.

И кончилась война, я помню хорошо,
Как Сталину кругом «Ура!» кричали.
А подросла я, в город жить уехала.
Тогда везде портреты Сталина висели.

Сыночек, много Сталин сделал для народа.
Он долго простоял у власти.
Два раза восстанавливать пришлось
Города, фабрики, заводы.

Люди, сыночек, не забудут Сталина.
И грех забыть для русского народа.
Четыре года воевал народ с фашистами,
А Сталин был главой того народа.

Он так сплотил народ всего Союза,
Что невозможно стало отличить
Ни татарина, ни русского и ни еврея.
Все стали дружно между собою жить,
Поэтому и победа над фашистами за нами.

Трудно было Сталину руководить.
Доверять боялся он.
Врагов ужасно было много.
Группировались они,

Как могли, так и вредили.

Боролся с врагами и чистил государство
От мошенников, жуликов, воров и прочей грязи.
Сталин создавал жестокие законы.
Воров, спекулянтов, жуликов,
Взяточников всяких он не плодил.
Жестоко с ними расправлялся.

Народ доволен был за это.
Да Сталин сам у государства ничего не брал.
Другим запрет наложил.
Вот, к примеру, я тебе скажу.

Дядя мой с друзьями вчетвером
Взяли восемь килограммов овса у лошадей.
Тюрьмы им дали по восемь лет за это.
Их судили показательным судом,

Чтоб другим у государства неповадно было брать.
Правда, научили их работать.
Специальность там приобрели.
На белых простынях поспали,
Отъелись. Через восемь месяцев освободили их.

Тогда тюрьмы были для воспитания, для учёбы.
Сталин говорил: «Ворует только тот, кто
Работать не умеет.
Нужно научить работать».

По возвращение из тюрьмы отметки им
не ставили,
Будущее им не портили.

Конечно, работу делали рабочие,
Но руководство правильное нужно.
Рабочие устали от работы.
А от заботы голова у Сталина болела.

За короткий срок в городах люди поднялись,
Заводы, фабрики восстановили
За счёт колхозов и рабочих,
Но люди не были на Сталина в обиде.

А тут ещё на беду его Берия объявился.
Прокрался к Сталину поближе.
Как мог, так и вредил,
Колхозы развалил. Налог заставил дважды
в год платить.

Ленина ненавидели враги,
Уничтожили они его.
Затем за Сталина взялись.
Он был сильнее ограждён,
Поэтому у власти простоял он долго.
Когда Сталин умер, вся страна в слезах была.
Пять минут сирены выли.
Так было жутко.
Этот день многие запомнили.

Как наша страна хоронила
Генералиссимуса непобедимого.
Дорогого Иосифа Виссарионовича,
Товарища Сталина».

«Конечно, выберут другого!
Зачем так плакать?»
Да мать сказала: «Выберут.
Да кого? Как будет он страной руководить?
Власть эту с кровью мы завоевали.
За власть Советов погибли,

Многие у нас детьми.
Народ спокойно жил при Сталине.
Уверен каждый был,
Что Сталин не продаст нас никому
И не подарит в рабство.
Другим народам.

Может и случиться так,
Что строй останется.
По ленинским заветам
В стране той будут жить.
Богатые и бедняки не будут отличаться
от капиталистов.

Умер товарищ Сталин,
Борьба за власть пошла.
В Москве все власти захотели.

Берию тогда разоблачили, посадили.
Временно Маленкова поставили.
Хрущёв хитрее оказался.
Обгадил всех, и Сталина родного,
Пролез в правители.

Как только заступил,
Начал козни строить.
Собрали на собрание нас,
Закрытое письмо о Сталине читали.

Что там было, этого не передать.
Люди замерли и были все чернее ночи.
Не выдержал Рувим Григорьевич,
С ним стало плохо. Он был старый большевик,
С Лениным в одной учился школе.
Я воды ему дала, успокаивала:

«Неправда всё это,
Товарищ Сталин наш – хороший.
Немало сил он положил
За победу и восстановление государства».

Такой взволнованный народ ходил.
И верить никому не стали.
Так как были все оскорблены,
Как будто не Сталина, а на месте его

мы сами были.

Люди с той поры петь песни перестали,
Их сердца окаменели.
Как услышат по телевизору,
Что сегодня Сталина покажут,
Так появится улыбка у людей,
На миг счастливыми становились».

«Скажи мне, мама, если не секрет,
В чём же обвинили т. Сталина?»
«В том его и обвинили,
Жестоким назвали его.

Воров, жуликов, предателей
Он не любил.
Сажал он в тюрьмы их.
Предателей на Соловки, на Колыму ссылали».
«Мама, если он расстреливал врагов,
То как же эти уцелели,
Что после смерти Сталина грязью облили его?»

«Вполне возможно, – мать ответила ему, —
Но главное тут не в этом.
Государство – это как одна семья.
Если грязью облили его,
То брызги полетят и за границу».

«А может, лично для себя он жил?
Ему культ личности приписали».
«Неправда, – мать сыну ответила. —

Ведь Сталин сына своего
На смерть отправил за Родину свою.

На фельдмаршала пленного его не поменял.
Сын остался погибать, как честный человек
Советского Союза».

Я не берусь Сталина судить.
Характером я на него похожа.

Я беспредельно Родину люблю
Я за неё смогла бы постоять.
Выстрелить во врага не дрогнула б рука.

Если товарищ Сталин в чём-то виноват,
То можно было никому не говорить про это.
Простить ему. Ведь так много хорошего
Он сделал для народа.

А если он за жизнь свою ошибся,
Он был всего лишь человек.
Вот если Богом был бы он на земле,
Тогда бы спрос другой бы был с него,
А человек имеет право ошибиться.

Он ушёл от нас непобедимым,
Хоть плохо о нём сказали,
Но люди помнят всё хорошее,
Что сделал он для них.
Борец за правду! Борец за мир!

Наш любимый великий Сталин!

Коль народ в бой шёл
И «За Сталина!» кричал,
Своей жизни не жалея.
Это – неподкупная любовь,
И не подхалимы так кричали.

Это заслуги Сталина,
Преданную любовь его к народу
На праздниках, в застольях тост кричали:
«За Родину, за Сталина!
Выпьем, да снова нальём».

А как выпьют, начинают разбирать,
Кто прав, кто виноват.
Поэтому я слышала обо всех делах Кремля.
Вредительство большое было,
Особенно в Москве.
Доносили друг на друга.
Попробуй там, пойми и разберись.

Сталин по чужим странам не ездил,
Хотя его и приглашали.
«Много дома дел, некогда мне по гостям
кататься!»
Строгой был, особенно к коммунистам.

Они должны примером быть в стране,

Поэтому за их проступки
Вдвойне наказывал он их.
Государство товарищ Сталин строил
По ленинским заветам.
Всё земное богатство, фабрики, заводы
принадлежали государству.

А всякая мелочь была частной.
Предприятия кооперации, шабашники
Платили два процента, чтобы потом
получить пенсию.

Много там не разбирались,
Чтобы это прекратить ссылали всех —
Доносчиков и тех, на кого доносили.
И безобразие это прекратилось.

В зарплате были все равны.
Лишь рабочие побольше получали,
Чем их руководители.
Сталин говорил: «Не нравится —
работайте рабочими».

Он уважал шахтёров, военных он не обижал.
Шахтёрам платили очень много.
Военным жильё и льготы давали.

Тогда оплата была за качество и количество.
Прогрессивка была —

Премия и основная ставка увеличивалась в три раза.
Сталин говорил: «Пусть все живут и трудятся.
Получают по способности и по своему труду».

За свой труд я получала полторы тысячи рублей.
В переводе на доллары – три тысячи.
Рабочие на заводах получали так же.
Начальство – чуть поменьше.
За жильё платили примерно три рубля.
Больницы, школы и все учебные заведения —
бесплатно,
А транспорт был дешёвый.

После войны Сталину предложила Япония:
«От дальнего Востока до Москвы сделаем дорогу,
Лишь разрешите вам продавать наши машины».
Товарищ Сталин ответил: «Мы машины
будем сами выпускать,
не хуже ваших».

А сейчас пусть отдыхают,
Когда нужно – транспорт есть, позвонят —
довезут куда надо.

После войны продукты, одежду стали присылать
Америка, Китай.
Да вот беда, обнаружилась нечестность.
Некачественные товары, да и болезни засылают.

Доложили товарищу Сталину об этом.
Обиделся он на Америку и Китай,
Договора с ними разорвал.
И сказал он своему народу:
«Будем кушать и носить своё,
Чужого нам не надо».

Стали появляться в магазинах материалы
Чудотворные неопикуемой красоты.
Не выцветали, не линяли.
Носились по пять-шесть лет,
Износа не знали.
А цены были совсем смешные —
От тридцати копеек до пятидесяти.
Красивые, свободная покупка.
Все полки в магазинах заполнены ими.
И дорогие материалы были,
По цене до ста рублей.

А какую обувь выпускали?
Купила туфли я за сто рублей.
Красивые, удобные, со взёмом.
Вот если б знала я тогда
Что никогда больше не встречу таких,
Купила бы не одну, а десять пар.
На всю жизнь мне бы хватило.

Продуктов тоже много в магазинах —
Рыба всякая, икра любая, масло, мясо —

Начальства не бояться.
С приподнятой головой ходить
И помнить, что нельзя нас притеснять.
Мы – победители.

Воровать при Сталине боялись.
Закон нарушить – Боже упаси.
Взятки брать – тюрьмы не миновать.
Мошенников и жуликов сажали.

Тогда в детдомах и садиках
Был порядок, не воровали.
Учили и кормили хорошо.
Отравлений не было.
Министр за голову свою боялся.

Артистов он не поощрял,
А говорил: «Шахтёров надо!
Они живые и под землёй,
Отмойте их, сфотографируйте,
Нам по телевизору покажите».
Хулиганов и семейные скандалы
По телевизору не показывали,
Так как их в быту полно,
Вживую можно их увидеть.

Показывать по телевизору тех, кто заслуживает
Героев – стахановцев труда.
И новые государственные достижения,

Чтоб было молодёжи брать пример с кого.

За работу вовремя платили.

Один случай был:

В швейной мастерской, где я работала,

На один день зарплату задержали.

Приехали с проверкой.

Парторга и директора уволили за это.

Многие не заметили такой хорошей жизни.

Они были в армии, в тюрьме,

Так как жизнь хорошая была всего три года.

Кончилась война

Сталин сказал:

«Детей из плена всех вернуть,

Если не вернуть сейчас,

Они вернуться к нам позднее,

Не друзьями, а врагами нашими».

Сталин был провидец,

Верил в Бога.

Прожил он жизнь свою

Не для себя, а для людей.

Истину глаголил, всё сбылось.

Они вернулись к нам в семидесятые годы.

Объявили: «Евреев с первых мест убрать,

а их поставить».

Ещё Сталин перед смертью своей предупреждал,

предчувствовал беду.
Не ставить править государством
Коммунистов.
Это исполнительная власть хорошая.
А коммунистам ворота широкие дать —
Пройдут туда и антикоммунисты,
Тогда-то всё и начнётся.
Будет много царьков.
Народ не выдержит такого.

Восьмое марта в связи с похоронами Сталина
Перенесли на пятнадцатое.
Совпало с днем рождения подруги,
она меня на праздник пригласила.
Накануне соседка Нина
Предложила: «Давай, тебе я погадаю,
Что ждёт тебя на вечеринке».
Я согласилась, мне стало интересно.

Она карты разложила
И сказала мне: «Встретишь крестового,
Останешься вместе с ним,
И долгую жизнь проживёте».

Угадала, я с Володей познакомилась.
По восемнадцать лет нам было.
Ремесленное окончил он и в армию ушёл.
Пока Володя в армии служил,
Я выучилась на скорняка у деда —

Шить муфты, шапки.
Швейную фабрику сократили.

Заболела я тогда,
Ноги мои отказали.
Три месяца в больнице лежала.
Аспирином лечили меня.
А мне всё хуже да хуже было,
Моё сердце поразило.
Врачу сказала, ответила она,
что так должно быть.

Спасибо, Неру к нам приехал.
Решили, что в больницу он придёт.
Больницу очистили и по просьбе выписали меня.

Дяди Петя с тётей Дусей отвезли меня
в деревню к
маме.

Там гостила мамина сестра Ульяна,
Она взялась меня лечить.
В муравьях прогревали, массажировали,
молитву читала.

Через сорок дней я на танцы пошла,
как будто вовсе не болела.

Веселилась, танцевала, забыла прошлые болезни.

Я без работы не осталась,

Меня перевели скорняком работать.
А через год отправили учиться
На модельера шляп.

У тётки Дуси дочка вышла замуж,
И мне пришлось искать жильё.
Встретилась знакомая моя,
Предложила мне ухаживать за матерью её.
У ней сестра на БАМ с семьёй уедут.

Остаётся бабка без присмотра.

Я согласилась, вещи отвезла,
А мне сказали: «Придётся, когда уедем».

Когда пришла я, не было вещей.
На мой вопрос, где вещи,
Бабушка сказала: «Я их не видела».
Соседка слышала наш разговор.

Соседи подошли ко мне, сказали,
Что видели, как в контейнер грузили мои вещи.
Удивились, откуда взялись у Нины
Такие богатые вещи.

В то время я богато одевалась.
Шубка и шапка из немецкой белки,
Пальто бостоновое с чернобуркой,
Ковёр и пуховые подушки.

Прописалась по уходу за бабкой.

Через милицию вернулись вещи.
Тяжело болела бабка, умерла.
Комната в бараке осталась мне.

Трудно было жить тогда.
Хрущёв стоял у руководства.
Контроля не было нигде.
На Уралмаше ракетный цех взорвался

В ста метрах от нашего барака.
Была ночь и форточка открыта,
Мы с мужем облучились.
Проснулись – бирюзовый дым стоял,
Голова кружилась.

Бог спас нам сына-
его с нами не было,
Он жил у бабушки в деревне.
Благодарю за это Бога.

Я заболела, кровь плохая стала,
Дёсна воспалились.
Переживала, что не смогу я сына воспитать.
Приехал крёстный мой, успокаивал меня.

В дверь постучали, я открыла.
Зашла молодая, красивая цыганка.
И говорит мне: «Давай, тебе я погадаю».
«Нет, – говорю, – не надо, конец близко».

Она говорит: «Вы здесь жить не будете,
Уедете, недалеко и ненадолго.

Оттуда уедете за три тысячи километров.
Вот это будет жизнь на зависть.

Ты будешь жить,
Нужды не знать ни в чём.
Что захочешь, то и будет».
Я на это рассмеялась.

Задала вопрос ей: «Чем же буду заниматься?»
«Людей лечить. Великой будешь.
Все узнают о тебе».

Я сказала ей: «Не шути, не смейся надо мной».
Она ответила: «Ты думаешь о смерти?»
Её совсем не видно.

Давай, руку твою я осмотрю».
Я ей ответила: «Возьми бутылки из-под молока,
Их много накопилось. А руку свою я не дам».

Крёстный говорит: «Скажи-ка мне,
Уж очень складно сочиняешь.
Что ждёт меня?» Она ответила:
«Вы вместе за три тысячи уедете».
Сбылось.
Через полтора месяца уехали.
На участок за семьдесят пять километров.

Прожили полтора года там.
Жизнь плохая была, болела сильно.

Решили уехать в Среднюю Азию.
Туда приехали – как в сталинское время.
Фруктов, продуктов полно,
На базаре, в магазинах переполнено.
Зарплаты большие и всё дешёвое.

По всей России и на Урале был голод,
Везде хрущёвщина была.
Что с Советским Союзом злодей сделал!
Правители молчат про это сейчас.
Но я всю правду опишу,
Что видела сама
И что слышала я от людей тогда.
О произволе и делах Хрущёва.

Злодей рождённый, сам дьявол
Хитрый, подхалим, продажная шестёрка.
Конечно, многих погубил доносами своими,
Чтоб стать главой народа.
Вознёс себя царём.

Государство сделал своей собственностью.
С подарками с царицей Ниной
Ездить стали по заграницам.
Хрущёв золото из страны за границу вывез,
Что товарищ Сталин на семнадцать лет

своему народу оставил.

Скот куда-то весь исчез.

Колхозы убрал,

Страну оставил без продуктов.

Рабочих заставил работать в два раза больше,

Сделал бригадный способ:

Один трудится – пятерых кормит.

Стали платить не по работе,

А по разряду рабочего.

Бригада получала от выпуска произведённых

машин.

Качество было никому не нужно,

Лишь бы быстрее и больше.

Договора перестали заключать

На продажу готовой продукции.

Выпускали брак,

В складах складировали.

Двенадцать наших материалов,

Что в стране нашей изобрели,

Народ носил, и торговали ими,

За границу подарил, вместе с патентами.

Кукурузу заставил посадить на поля.

Где росла пшеница. Уничтожил все поля.

После кукурузы не растёт пшеница.

Луга заставил распахать.
Что скот кормили и реки сохраняли.
Водой весенней землю в реки смыло.
Луга и реки погубили.

Целину заставил распахать,
Что в Казахстане скот пал.
Один лишь год был урожай,
А после – ни травы, ни хлеба.

Царь с царицей ездили по заграницам,
Подарками всех одарили.
Тридцать восемь заводов подарили.
Это сколько я знаю, а может, и больше.

Деньги заменил, ноль убрал.
Всё стало в десять раз дороже.
Цены остались прежними.
Людей обрёл на нищету и голод.

В магазинах продуктов не было. Пусто.
«Лишь продавец в халате», —
Так говорил народ.

Приезжал в Свердловск Хрущёв,
Камнями поезд закидали.
Понял он, что народ собрался
И на части разорвёт его.
Не вышел и не показался.

В Свердловске на памятнике Ленина
Написали: «Дорогой Ильич, проснись
и с Хрущёвым разберись,
водка стала двадцать семь рублей,
мяса, масла нет совсем».

В Москве глаза замазал людям,
Он же хитрый.
Хрущёвки стали строить быстро
И расселять народ.
Народ доволен был.

Зверев, министр финансов, стрелял в него,
Когда казна была пуста.
Да не рассчитал.
Хрущёв был в бронежилете.

Хрущёва на свинье с кукурузой в руках рисовали,
Плакаты вешали везде.
Восемь лет у власти он стоял,
Вредил и уничтожал наше государство.

Он бомбу водородную взорвал.
Он в ООН туфлей стучал по трибуне.
Замазывал глаза советским людям.

Он был враг социализма.
Беяк проклятый, дьявол.

Страну он нашу подписал
На двадцать пять лет в Африку в рабство.

Не выдержали коммунисты,
подлых, наглых дел Хрущёва.
Власть забрали, но поздновато,
Раньше бы хватиться надо было.

Хрущёва-то убрали,
Да прихвостней его оставили на месте.
Михаила Горбачёва и ему подобных
Служителей капитализма.

Горбачёв как заступил на пост,
Так сразу объявил, мол, я Хрущёва ставник,
Буду продолжать его дела.

Нужно было задуматься, понять.
Снять и расстрелять его,
А не ждать развала Советского Союза.

При Хрущёве мы уехали в Чимкент,
Адрес взяли у отца,
Он в госпитале там лежал.
Сватов запомнил адрес,
Они его там навещали.

Когда приехали туда,
Нам показалось, что Сталин жив.

Стоит в Чимкенте он у власти.
На базаре и в магазинах —
Как в сказке, всё было как при Сталине.

Сходили мы в кино,
Город Кентау в журнале показали.
Узнала я его,
Когда-то у Бога попросила,
Чтоб мне в нём жить, в раю земном.

В пятнадцать лет приехала в Свердловск,
Город не понравился мне —
Слишком большой, толпа людей.
И я сказала Богу: «Мне нужен город не такой.
Чтоб был он маленький и красивый.
Чтоб в зелени стоял, цветы цвели,
Солнце грело, и птицы пели».

В Средней Азии

Бог услышал мою просьбу.
Через двенадцать лет увидела я этот город.
Молодой красавец зелёный,
В розах утонул он.

Переехали в Кентау.
Володя вышел на работу.
Удивлению не было предела —
Работать меньше и легче,
А зарплата в три раза больше.

Через полгода познакомились
С начальником геологоразведки.
Он предложил нам взять квартиру,
Так как у них они пустуют.

Последний дом стоял от города у речки,
А дальше – степь и горы.
Казахи там по праздникам
На конях соревновались.
Там воздух чистый, родниковая вода.
Тишина – лишь реку слышно
Да пение птиц.

Я не работала, мы с сыном отдыхали,
Лишь гуляли да воздухом дышали.
Два года прожила я в сказке.

Кровь улучшилась, расцвела, как чайная роза.
Любовь пришла между собой,
Довольны всем, и не было заботы.
На базар пойдёшь, рубль возьмёшь,
всего накупишь.

Вот где был Боге нами.
Родственники не приезжали,
Зависти не было.
Так как мы писали:
«Живём в горах, воду нам привозят».

Кот жил с нами, квартирный хозяин,
Мы Рыжиком звали его.
Очень, очень его любили.
Так как ласков был и умён.
В любую погоду Володю с работы встречал.
Ночь, ураган на улице, а кот бежит
И просит выпустить его.

Я уговариваю его: «Слышишь,
Какой ураган, не ходи».
А он за своё, лишь двери приоткроешь,
Он выскакивает и убегает.

Пробежит один километр, сядет на столбик
И ждёт, когда же Володя подъедет.
Лишь только поравняется с ним,
Мяукнет и прыгнет к нему на колени.

Когда в первую смену Володя работал,
Будильник прозвенит,
Володя как будто не слышит.
Рыжик подойдёт, мяукнет,
Лапой стукнет его, мол, пора вставать,
сказать только не может.

Один километр проедет с Володей,
соскочит с велосипеда,
Вернётся домой.
Проводил, как будто исполнил свою работу.

Нашего никогда не ел,
Себе еду он сам приносил.
Притащит мяса, украдёт,
Что сохнет у казахов.
Мяукает, меня зовёт.
Смотри, мол, угощайся.

Я говорю ему: «Убьют, воровать нельзя».
К холодильнику позову, покажу, что мяса много:
«У нас есть, ты кушай с нами».

Купили дом, его с собой забрали.

Как только в дом внесли,
Кричать неистово начал он,
Царапать стены. Шерсть дыбом встала.

Понять не можем, что же с ним.
К нам подходит, мяукает,
За одежду к двери тянет,
Зовёт: «Уйдём отсюда!»

Он промучился всю ночь,
А поутру ушёл от нас.
Жаль было нам его.
Больше с ним мы не встречались.

Дом был новый, красивый.
Двадцать восемь кустов винограда,
Мы цветов насадили вокруг.
Живи, наслаждайся да радуйся.

Да только в доме том
Дьявол жил, по ночам играл да забавлялся,
Спать нам не давал,
На чердаке на велосипеде катался.

Володя смелым был,
В доме своём не боялся.
Встанет ночью, пойдёт на чердак,
Тишина стоит, пока он там.

Фонариком осветит.

Спрошу его:

«Кого ты видел там?»

«Никого», – отвечал он.

Лишь только спустится вниз он,
Шум громкий снова повторится.
На протяжении нашей жизни там
На чердаке дома шум продолжался.

Соседи занимались колдовством
С двух сторон нашего дома.
Они враждовали между собой,
А мы для них помехой были.

С двух сторон к нам в дом, как в мишень,
Летело разное: от Татьяны – в двери,
А от Каля – в стену.

Греки уехали в Грецию от этих мучений.
Уйти бы нам тогда
Вместе с котом,
Не поняли его,
Как же мы обрадовались дому.

Только радость была недолгой.
Скоро мы слезами умывались.
Беды, горе посылали на нас,
Как зимой снег с неба.

Вспомнила я тогда —
Когда документы оформляли,
Нотариус спросила:
«Какие там соседи?»
Я ответила:
«Причём соседи?»
«О, нет, – ответила она. —
Не дом купи,
А главное – соседей».

Я подумала тогда,
что мы ни с кем нигде не ссорились,
Плохого никому не пожелали.
За что же нас обидели?

Разум был другим тогда,
Вот если б в эти годы
Задумалась бы я и поняла
И дом бы этот не купили.

Мама жила на соседней улице.
Они хотели, чтобы мы жили рядом.
Долго уговаривали нас.
В доме жить мы не хотели.

На квартиру первая очередь была,
Подождать немного надо было.
Уговорили, согласились дом купить,

Потом, конечно, пожалели.

В то время я работала на заводе,
Контролёром в ОТК.
Для меня работа была лёгкой,
Я без измерения брак видела.

Дом свой – забота велика.
Володя зарабатывал больше других,
Не пил, заботился о доме.
Нам люди стали завидовать.

Два года по больницам ходила —
Результатов не было.
Лишь сама тогда траву изучила,
Сон-траву – подснежник попила
И вылечилась.

Заболело горло, печень,
Лишь три месяца в доме прожили,
Решила в Ташкент к платному
профессору поехать.
Профессор посмотрел и килограмм
таблеток выписал.
Болезней добавилось,
Стала вся больная.

В роддоме со вторым сыном была,
Татьяна, соседка, ко мне пришла,

10 яиц сваренных мне принесла.
Муж пришёл, я отдала ему,
Сказала: «Курам отдай».

В то время у нас сто кур своих было.
Куры яйца Татьяны склевали,
Куры все подошли.
Мужу пришлось их закопать.
Так соседка добра нам желала.
Как только мы вернулись из больницы,
Она пришла и сказала: «Грудница будет у тебя».
Сказала и ушла.

Через два часа после её ухода
Температура поднялась под сорок градусов,
Грудь моя вся почернела, затвердела.
Болело так, что не было покоя.
Кролика шкурку привязали,
Как люди посоветовали нам.

Прорвало за ночь.
Отверстие образовалось
Над сердцем – круг 3 сантиметра.
Состояние совсем плохое стало,
Муж в больницу обратился.
Врач посмотрел и сказал:
«Грудь придётся удалить».

В больницу привезли меня.

Кастелянша за одеждой ушла.
Мысль меня осенила,
Как будто очнулась.
«Зачем я здесь? – себя спросила. —
Ведь если суждено мне умереть, умру нерезаной.
А если жить, то с грудью».

Как будто мысли силу мне придали.
Быстро повернулась и пошла домой.
По дороге встретила старушку.
Она сказала мне:
«Доченька, что же ты болеешь,
Зачем по больницам ходишь?
Врач дома у тебя, обратись к нему».

Пришла домой, мужу рассказала.
Он засмеялся.
Сделал так, как сказала.
Наутро грудь была здорова.

Пошла в больницу на перевязку.
Они удивились, как грудь смогла я вылечить,
Накануне видели её.
Рана затянулась, стала здоровой.

Когда грудницей я болела, пришла Мария к нам
И говорит: «Тебя заколдовали».
Я этого не понимала,
А муж выслушал, ни слова не сказал.

А было так —

Пришла к Марии медсестра Галя и сообщила, что Скоро она за Володю замуж выходит.

«А куда же денется Алевтина?» —

Спросила Мария.

На что ответила Галина: «Я нашла колдунов, Татьяне дала сто рублей и Кате пятьдесят.

Они уберут её вместе с детьми».

Возмутилась Мария, говорит:

«Я сейчас пойду к Алевтине и всё расскажу».

Галя не испугалась и не постеснялась.

А через десять дней пришла и в дверь

К Алевтине постучалась.

Галя была медсестрой у Саши.

Алевтина ей открыла дверь.

Галя задала вопрос:

«Ты ещё живая?»

Алевтина ответила: «Не жди моей смерти,

Ты умрёшь первой. Бог меня спасёт»

Хорошо жили, травы пили,

В воскресенье в парк ходили.

Да соседи от зависти совсем озверели.

Травы им колдовать мешали.

По чердаку нашего дома ходить перестали,

В двери наши стучать не стали,

Стены оставили в покое.
Мы стали жить и спать спокойно.

Мы расцвели, как цветы.
Любовь и радость стала между нами.
Володя кроликов стал разводить,
А мы с детьми – цыплят.

Сашок прибежал ко мне,
Спросил: «Почему Татьяна у наших ворот
Копает, говорит, говорит и сыпет?»
Я удивилась, сказала: «Не знаю».

Ночью сон я увидела,
Что женщина с девочкой
Меня за руку тянут в могилу,
Говорят: «Тебе приготовлено».

Наутро я мужу рассказала.
Он не ответил, ушёл на улицу.
Он знал, что бывает колдовство,
Но мне никогда не рассказывал.

Володя тут же вернулся.
И говорит мне: «Идём со мной.
Я что-то тебе покажу».
Спички взял с собой.

С нашей стороны забора

Между Татьяной и нами
Большой моток серых ниток
На вколоченных гвоздях растянут.

Володя, не раздумывая, сжёг нитки,
Гвозди вытащил и выбросил.
Про это я Кале, соседке, рассказала.
Она мне сказала: «Это вам колдовала Татьяна».

Напрасно Володя сжёг нитки,
Не пройдёт это даром.
Я спросила: «Что же случится?»
«Сойдёт он с ума».
Я не поверила в это.

Сбылись слова Кали.
Вдруг Володе захотелось поехать на Урал.
Я попросила его: «Подожди
Окончания учёбы сына,
Поедем все вместе».

«Нет, – говорит, – ждать не буду».
Поехал, уселся в такси,
От радости руки вверх поднял,
Как будто из Кентау его гнали.

Уехал, а мне беспокойно.
Чувствует сердце беду.
Сны стала видеть плохие,

Как будто беда с Володей случится.
Увидела сон —
Володя из леса идёт,
Два ведра черники несёт.
На опушке баня стоит.
«Вот вам я гостинцы привёз».
А мы с детьми стоим и встречаем его.

Там пьющие все.
Побольше хотят угостить.
Меня рядом не было,
Кто остановит?
Он в выпивке меры не знает.

Кончился отпуск, пора возвращаться домой.
Говорит, заболел, таблеток напился.
Вина на дорожку купил он себе.
Выпил в поезде, на верхнюю полку забрался.

Уснул, сон плохой приснился
Или белая горячка схватила его.
Только соскочил он с полки,
Не думая, выпрыгнул в окно.

Когда Володя выпрыгнул с поезда,
В эту минуту я видела сон.
Как Володя выпрыгнул из гроба в белой рубашке
и чёрном костюме и побежал.

Поезд был на подходе к Сорочинску.
Ход был замедлен.
В милицию сообщили,
Милиционер нашёл его
И отвёз его в больницу.

Там перевязали.
На шее был порез, кровь текла.
Тогда были врачи!
Боролись за жизнь человека,
Не важно, где живёт, какой нации он.
Взяток не брали, а думали, как бы спасти.
Если б случилось при демократии спасти бы —
Без денег не стали.
Искали бы полис,
Человек бы погиб.
Милиционер посмотрел на него,
Показался трезвым, здоровым.
Врач с ним побеседовал.
Спросил: «Что случилось?»
«Во сне меня догоняли, я убегал».

Утром во время обхода врачей
Сделался без сознания,
Раму на руки одел,
Руки свои до кости перерезал
И кричит: «Меня догоняют!»

В Оренбург в хирургию отправили срочно,

Там помощь ему оказали.
В сумасшедший дом сообщили,
Те отправили дежурную медсестру.
Пришёл в себя, попросил санитарку
отправить открытку домой.

Сообщить, где находится он,
Чтоб не искали его.

На открытке адрес был перепутан,
Вместо Кентау написано Тимиртау.
Надо сказать спасибо почте,
через пять дней мы получили.
Спасибо советской власти.

Три литра крови влили ему.
Денег у нас не просили.
И полис не нужен был им.

Я выехала сразу, как адрес узнала,
Взяла с собой корень левзеи,
Что силы восстанавливает.
«Остальное, – сказала, – найду я там».

В Оренбург приехала,
Больницу нашла без труда.
Добрые люди там оказались.
Рассказали мне всё, что случилось.

Приехали в больницу,
Поднялись на пятый этаж,
Зашли в палату.
Он белый стоит,
Руки его почернели.

Температуру сбить не могут,
Сорок стоит, руки опухли,
Началась гангрена.
Наутро назначена операция.
Я не растерялась,
Только сказала:
«Что добился без меня, совесть где у тебя?»
Сказал он: «Прости, если сможешь!»

Вылечи только меня, я знаю, ты сможешь.
Если захочешь,
Буду рабом у тебя».

Я посмотрела, такой жалкий,
Беспомощный стоит он,
И подумала: «Что с человеком бывает».
Когда Галя сказала, она тогда знала,
что сделали они.

Медсестру я спросила: «Где можно взять
череду и крапиву?»
«У мамы есть», – ответила она.
Сказала ей: «Поедешь к нам, запаришь

и привезёшь».

Травы запарила в литровую банку,
За ночь всю траву он выпил.
К утру температура спала.
О моём приезде хирургу передали,
Хирург меня пригласил в кабинет,
Предложил присесть на кушетку.
Спросил: «Сколько детей у вас?»
Я ответила: «Двое».
Он сказал: «Маленькие ещё».

Есть надежда на два пальца одной руки.
Другая рука, пальцы без движения,
Перерезаны нервы все».
«Такое заключение делать рано, —
ответила я. —

Вы же на сегодня назначили операцию».
Он посмотрел на меня,
Подумав, ответил:
«Да, травы сильнее таблеток.
Я же не знал, что вы лечите».

Только травы с таблетками не совмещают».
Я сказала ему: «Спасибо вам,
Что вы спасли его,
А руки его буду сама».

Лишь бы доставить его мне домой».

Жить здесь не могу.

Мальш дома.

Через три дня у него поднимется температура.

Вы снять её не сможете».

«Мы поможем его отправить, – сказал хирург, —

Нам это не сложно.

Вы можете ехать домой.

С ним приедет сопровождающий».

Я приехала в Кентау,

Рассказала, что случилось.

Мне говорят на работе,

Что нужен акт с места происшествия.

Снова пришлось мне вернуться.

Заехала сначала в Сорочинск,

Нашла милиционера, который с Володей
занимался.

Добрый оказался.

Составил акт и говорит:

«Я не знаю, почему это произошло.

Он трезвый ночью был».

Я заехала в Оренбург за Володей,

Документы к отправке были готовы.

Выписали врачи его из больницы.

Сопровождающая поехала с нами.

По дороге он нервничал.
Температура стала подниматься.
Я травкой его попоила.
Неудобно домой таким возвращаться.

В Кентау приехали, пошёл в больницу,
К врачу отнесли историю болезни,
Чтоб выписали больничный
и сделали перевязку.

В больнице прикладывали мазь.
Дома снимали, прикладывали
Кашицу красной свеклы
И поили настойкой зверобоя.

Через три месяца пошёл на комиссию.
Я сказала ему: «Возьми третью группу,
Так как движение в пальцах рук вернётся».
Врачи удивились его решению.

Пошла к начальнику ОТК,
Объяснила ему, в чём дело.
Попросила его, чтобы взял
Володю мастером ОТК.

Назначили группу, дали пенсию,
Мне стало это неприятно
Помолилась Богу заменить пенсию,
Дать пенсию по профзаболеванию.

Через месяц Володю вызвали в Караганду.
Кому-то снимки лёгких Володи не понравились.
Был спор – одни считали, что есть
профзаболевание,
Другие говорили, что нет.

На всякий случай дали группу
по профзаболеванию.
В последующие годы её нельзя было отменить.
Болезнь не лечится.
Спасибо Богу, удовлетворил мою просьбу.

Руки оздоровили, через 8 месяцев
Вышла последняя нитка, которыми сшивали,
Красная свекла вытащила.
Лишь рубцы на руках остались.
Врачи были удивлены,
Как могли нервы срастись.
Позвал меня врач-невропатолог,
Просила рассказать, как вылечила.

Случилось это в тридцать шесть лет.
Вот уже прошло ещё сорок лет,
Любую тяжесть таскает,
Жалоб на руки не было.

Мать его приехала и заявила,
Что Володю отравили.

Я обезумела от этих слов,
Я к Богу руки протянула.

«Господи, ты слышишь, —
Вскричала я. —
Кто мужа моего отравил,
Пусть у того руки и ноги опухнут.
Твой суд справедлив, накажи виновных».

Мать набросилась на меня:
«Зачем ты сказала это?»
И тут же в лице изменилась,
Так сразу было ясно, чьих рук это дела.

А через год мы узнали,
Что у брата жены,
где муж мой гостил,
Опухли руки и ноги.

По весне встретила начальницу
Отдела кадров,
Софью Васильевну (скверная женщина),
Всем делала вред.

Но ко мне относилась
Благосклонно.
Поздоровались.
Она спросила: «Как живёте?»
«У Володи руки болят,

Тяжело топить печку», – сказала я.

Софья Васильевна сказала:

«Мы можем дать вам квартиру,

Но у вас есть дом».

«Завтра его не будет», —

Сказала я.

Переписали дом на бабушку.

Муж взял справку, что у нас нет дома.

Отнёс заявление на квартиру в завком,

Та молчок, ни «да», ни «нет».

Володя в цех пришёл от завкома,

Рабочие спрашивают: «Как дела?»

«На очередь говорят, поставим.

У нас была первая очередь,

Мы её отдали, купили дом.

Мы просим, чтоб вернули очередь.

И дали нам квартиру».

Бригадир принесла листочек и ручку,

Написали просьбу от рабочих

Директору завода дать нам квартиру,

Так как он трудился безотказно,

Даже в выходные дни.

Семьдесят человек расписалось,

И отнесли директору просьбу.

Директор Володю вызвал к себе,
Сказал, что квартиры все распределены,
У них нет возможности.
Будет решение завкома.
Я пошла к директору.
Объяснила, что к чему:
«Квартиру вы обязаны дать нам,
Вернуть первую очередь,
Так как муж стал больным».

Директор говорит:
«Успокойтесь, поверьте мне.
Дом, который сдали, плохой,
Отделка сделана зимой.

Через три месяца мы будем сдавать дом,
В нём даём вам квартиру».

Спасибо Богу,
Квартиру дали.

Дом на бабушку переписали,
Сыновья и дочери узнали,
На Кавказ её забрали,
Там её ядом напоили.

Спасибо Богу,
Что я увидела, как бабушке яд подают,
Молилась, выжигала, убирала

Яд из неё.

И срочно с мамой вылетели к ней,
Бабушка подробно всё рассказала,
Как её ядом поили,
И как спас её внук Володя.
Мы её забрали в Кентау,
Спасибо Господу Богу.

Через год сноха, что бабушку травила,
При операции умерла.
Не желай другим того, что себе не хочешь.

После продажи дома
Мы ещё жили в нём.
Соседи над нами издевались,
Моё здоровье ухудшилось.

В октябре мне плохо стало,
Порча поднялась, бушевала.
Я встала, подошла к иконам.
Попросила Бога, чтоб спас меня.

Попросила Бога, чтоб жизнь продлил мне
Ради детей моих,
Ради всего святого.
Дала зарок Богу, что буду лечить людей
до самой смерти,
если останусь живая.

Мне стало легче,
Порча отпустила.
Я легла спать,
Увидела сон странный.

Знакомая женщина в чёрном
Лежит. Я спросила:
«Скажи мне, Галя, что со мной?»
Она ответила:
«Тебе сделано на смерть».

Я тут же проснулась
И пошла к маме,
Ей всё рассказала.
Она говорит: «Зачем ты поверила?
Нет никакого колдовства».
Отец услышал из другой комнаты,
Вышел и говорит: «Слушай, мать,
Зачем ты всю жизнь говоришь
Але неправду?»

Есть колдовство, разное делают».
Рассказал несколько случаев,
Как в их деревне колдовали.
Он слышал, когда там жил.

Мама не спорила с ним.
Она сказала, что в это не верила,

А молилась всю жизнь Богу,
Поэтому так говорила.

Мы с Сашей выехали на Урал.
Там решили искать нужного человека,
Чтобы помог нам.

Из Режа уехали в деревню,
Там мы ходили от деревни к деревне.
Два раза чуть не погибли.
Темно, холодно, нас никто в дома не пускал.

Одна старушка открыла ворота.
Долго я её уговаривала.
Просила: «Возьми хоть ребёнка,
Его обогрей, ему пять лет».

Она согласилась, пустила нас в дом,
Паспорт взяла у меня и деньги.
На печке сказала нам спать.
Сама всю ночь сундук охраняла.

Мы утром ушли от неё,
Саша говорит мне:
«Мама, а паспорт ты не забыла?»
«Ой!» – спохватилась я.

Вернулись снова к ней,
Паспорт забрали.

Спросили у неё: «Кто лечит в деревне?»
«Та, что лечила, уже умерла.

А те, что колдуют, живы.

Их несколько здесь».

Ушли мы в другую деревню.

Темнело, мы в грязи увязли.

Взмолилась, Бога просила,

Чтоб добрый человек нас спас.

Вдруг видим, верхом на лошади человек едет.

Подъехал к нам знакомый Николай.

Мы сказали, что к брату приехали.

Они с женой и сыном живут в этой деревне.

«Почему вы им не позвонили?

Они бы вас встретили».

Вытащил нас из грязи,

Отвёз к брату.

Утром мы им рассказали, зачем приехали.

Они ответили: «Поблизости нет никого.

Все ездят в Реж».

Мы уехали в Реж к двоюродной сестре мамы,

Сказали, что сын испугался,

Нужно найти человека, чтобы вылечить.

Она сказала: «Есть здесь человек,

за лугом живёт.

Я вас завтра туда отведу».

Пришли мы к святой Прасковье,
Там было много народа.
Она посмотрела на меня и сына,
Сказала: «Придите завтра утром пораньше».

Утром пришли мы к ней,
Помочь нам согласилась она.
«На сына одета собачья старость,
Нечисть всадили в тебя».

Стала читать нас она.
У Саши поднялась температура.
Со мной стало плохо.
Тётя стала ругаться на нас:

«Вы приехали – здоровыми были,
К ней сходили – стали болеть».
Заставляла таблетки нас пить,
Я объясняла, что так и должно быть.

На следующий день
Саше стало полегче.
Нечисть пошла из меня.

Калач испекла святая Прасковья,
Через Сашу продёрнула его,
Собаке скормила болезни,

Что были Саше сделаны.

Слушая заговоры, что читала она,
Я ей сказала: «Я знаю эти молитвы».
Она спросила: «Откуда ты знаешь?»
«Прабабушка Сусанья их читала.

Жила она у дочери в Точилке,
Лечила людей, я жила с ней.
Иногда уезжала в Ощепково
К дочери, лечить там».

Святая Прасковья говорит:
«Я из Ощепково, была с ней знакома,
У неё всё списала.
Ей было лет восемьдесят, уставала.
Мне захотелось ей помочь.
Сказала: «Дайте мне воды,
Я почитаю для вас».
Начитала, дала ей попить.

Ты же сильнее меня.
Почему не лечишь людей?
Своих детей и себя?»
«Я Богу зарок дала, что буду».

Жили мы в Реже целый месяц,
Бабушка нас лечила.
Из меня нечисть полностью не уходила.

Она беспокоилась за это.

Говорит мне святая Прасковья:

«Люди ездили в Глазов,

Я адрес у них спрошу».

Была тогда я на всё согласна,

Лишь бы избавиться от нечисти.

Назавтра бабушка адрес дала мне,

Мы выехали в Глазов,

Там жил брат Володи.

Сношеница Дуся поехала с нами,

Она говорит: «Я давно собираюсь.

У них колдовства тоже много.

Соль и землю сыплют под двери».

Приняла нас колдунья Зоя.

Народ идёт к ней вереницей.

Она принимала быстро.

К ней заходят по одному человеку.

Мне рассказала, где я живу,

По обе стороны соседи колдуют.

Вся семья в могиле.

С мужем мы разведены.

Также рассказала, что она

училась у татар.

Пятьдесят человек была группа,

шесть лет учились,
с девяти лет детей принимали.

Мне сказала: «Ты поздно приехала.
Порча твоя большая, она не пройдёт».
«Может, вырезать?» – спросила я.
«Нет, кровь не остановить».

«Как мне быть?»
«Жизнь твоя – молитва,
А порча пойдёт с тобой в могилу», —
Ответила мне она.
Я спросила её: «Может, эта молитва:

Батюшка Михаил архангел,
как ты свергнул сатану с престола,
Также помоги мне избавиться от нечисти».
Она закричала: «Перестань, остановись,
А то закрою тебе рот».
Я не могу остановиться,
Как будто кто-то за меня говорит.

Вышла от неё, взмолилась,
Богу сказала: «Боже, помоги мне».
Руки к небу протянула
И попросила о своём желании.

С Дусей мы уезжали к Зое.
Дина, сноха, оставалась с Сашей.

Она сына моего дураком назвала.

Я услышала, вошла в комнату,
Спросила Сашу: «Что случилось?»
«Я игрушку взял в руки посмотреть».

У меня из глаз слёзы покатались,
За что же сына моего дураком назвали,
Он столько книг перечитал.

Через два года мы были в Свердловске,
Свекровь сказала: «У Дмитрия беда,
Внук упал со стола на затылок
И стал дураком».

Ужаснулась я, подумала:
«Нельзя никого дураками называть,
Ни своих, ни чужих детей.
Бог всё видит и слышит».

Вернулись мы из Глазова домой,
Татьяна потеряла нас, искала,
Спрашивала у людей,
Куда же мы девались.
Видимо, плохо было ей.
Узнав, что приехали, оживилась,
Все силы бросила на нас.
Что делать? Как быть?
Снова стала искать, кто поможет.

Неле, лаборантке всё рассказала,
Мы с ней подружились,
Оказалось, что всё она знает
О колдовстве и лечении.
Так как бабка её была колдунья.
Неля адрес дала Морозовой.
«К ней ходят люди лечиться.
Ты попробуй, сходи.
Она лечит только ночами».

Пошла я к ней в первый раз,
Она помочь мне согласилась,
Сказала: «Оставайся у меня.
Ночью буду лечить тебя».

В двенадцать ночи читала она,
Под ноги мне материал с топором положила,
А утром мне сказала
Прийти ещё два раза.

Мне дала задание сходить в девять дворов.
Забери у всех, где земли, а где песок,
Домой не заноси, а то все погибните,
И брось во двор своей соседки.
Я Володе рассказала всё о лечении,
Что Морозова задание мне дала.
«Я не пойду к ней больше,
Она колдунья», – сказала я.

Он говорит: «Сходи ещё два раза.
Может, она нам поможет.
Послушай, что ещё скажет.
Чему нас научит».

Вторую ночь почитала.
Наутро сказала: «Сходи на кладбище,
Возьми с двенадцати могил землю
и брось во двор соседке».

В третий раз пришла,
Она читать меня не стала.
Сказала: «Во сне видела твою соседку,
Она сказала тебя не лечить».

Ты возьми с девяти дворов землю и песок,
Принеси домой, вскипяти,
Напейтесь все, что останется, искупайтесь».
Видимо, забыла, что говорила раньше.

Больше никуда не ходила.
Муж сказал: «Сходи в церковь».
Я стала сама молиться Богу,
А затем сходила в церковь.

Вспомнила, когда искала работу,
Ходила в церковь, Бога просила.
Услышал Господь

Просьбу мою и помог.

Пришла в церковь, купила свечи.
Хотела Богу помолиться,
Да мне не дали, орали на меня:
«Не туда подошла,
Не ставь свечи, положи».

Священника отца Павла не было.
Вёл службу молодой Семён недружелюбный.
Молились, просили терпения люди,
Затем начали молиться за упокой.

Не пообщалась с Богом,
Ничего не сказала ему.
Вышла из церкви, подумала:
«Зачем приехала, сказать Богу не смогла».

Из церкви приехала, пошла к бабушке,
Захотелось с ней пообщаться.
Что думает она, спросить у неё.
Она же молится Господу Богу.

Задала ей вопрос: «Бабушка,
Ты молишься, просишь терпения?»
Она возмутилась,
Спросила: «Ты что, в церковь сходила?»
Мне здоровье и силы нужны.
А терпение мне не нужно».

«Бабушка, ты что, в церковь не ходила?» —

Спросила я.

«Я Богу верую, а не попам, —

Ответила она. —

До десяти лет ходила».

Вижу, что бабушке тема не нравится,

И всё-таки решила спросить,

Почему до десяти лет?

Ленин тоже ходил в церковь до десяти лет.

«Нам часто есть не давали, говорили, пост.

Только картошку, капусту и хлеб.

Родители попросили меня сбегать к батюшке,

Спросить, когда отец должен прийти к нему.

Я пришла к батюшке, они за столом сидят.

Поросёнок на тарелке лежит.

Масло перед ними стоит.

Вино пьют и мясом закусывают.

Вернулась домой, возмущалась,

Родителям всё рассказала.

С той поры в церковь не хожу

Попам не верю. Богу молюсь дома».

Богу стала я молиться дома,

Как бабушка сказала.

Пришла знакомая моя,
Попросила помолиться за её здоровье.

Я помолилась, ей стало лучше,
А я заболела.
Как же клятву сдержать мне?
«Боже, помоги, пособи, вразуми меня».

Да были у меня видения раньше.
Никому про это не говорила.
Слышала, что сбываются,
Переживала. Думала, может, виновата,
Что видела.

Вдруг мысль меня посетила.
Нужно помолиться за этих людей,
Что вижу я их беду и смерти.
Стала молиться: «Спаси и сохрани людей этих».

Не стало плохое сбываться.
Обрадовалась я, что чем-то помогаю.

Месяца через три пришли видения,
Стала видеть болезни в человеке.
Там паутиной затянуто
Или чернота, твёрдость.

Интересно показалось мне,
Себя захотелось проверить.

Спрошу человека: «У вас болит?»
«Да, – говорит, – вам-то зачем это знать?»

Убедилась, что правильно вижу.
Решила в церковь поехать.
Увидела священника отца Павла,
Вдруг он обратил на меня внимание.

Сказал: «Расступитесь, пропустите
ко мне эту женщину».
Указал на меня.
Я подошла к нему, он сказал:
«Останьтесь после моления».

После моления он спросил:
«Вы знаете о себе?»
Я ответила: «Такая же, как все».

«Нет, не такая, как все.
Пришла на этот свет лечить людей».
Я ответила, что знаю травы, коренья
И вижу болезни людей.

Пробовала читать на больную,
Но болезнь пошла на меня,
Я заболела.
«Тебе нужно благословление Бога.
В твой день рождения я тебя почитаю».

Я сказала ему, что родилась в крещение.
«Вот и приедешь ко мне в этот день,
Получишь благословение,
И будем мы с тобой один хлеб есть пополам».
Отец Павел лечил людей,
Был пророк, ясновидящий.
Я была у него весной накануне Пасхи.
В Духов день пошла на поле.
Стала на колени, молилась Богу.

У земли просила прощения
За всё, что плохое ей причинила.
Поцеловала её и голову к ней приклонила,
С просьбой к ней обратилась:
«Матушка, земля дорогая,
Ты нас породила, кормила, одевала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.